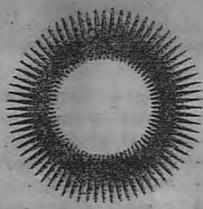

Пермь

● ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
ПЕРМСКОГО
КОМСОМОЛА

ПАНОРАМА ИГРАЕМ ФАРС!

ЗАМЕТКИ О ПОСЛЕДНЕЙ ПРЕМЬЕРЕ ТЕАТРА,
ПРЕРЫВАЕМЫЕ НАЗОЙЛИВЫМИ РЕПЛИКА-
МИ КРИТИКА И НАСТОЙЧИВЫМИ ВОСПО-
МИНАНИЯМИ АВТОРА.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Решением бюро обкома ВЛКСМ премии Пермского комсомола в области искусства и культурно-массовой работы присуждено в этом году:

— Народному коллективу агитбригады «Время» Лысьвенского Дворца культуры металлургов (руководитель М. Д. Волков);

— Народному коллективу театра-студии «Арлекин» политехнического института (художественный руководитель И. Н. Тернавский);

— Народному ансамблю песни и танца «Уральский хоровод» Пермского ОНМЦ (руководитель Н. Н. Слобожанников);

— Мещангиной В. Д. — актрисе Кудымкарского окружного ордена «Знак Почета» драматического театра;

— Сапожникову А. Н. — художественному руководителю Зюкайской централизованной клубной системы Верещагинского района.

В ближайших номерах мы опубликуем материалы о всех лауреатах комсомольской премии. Сегодня предлагаем вашему вниманию рассказ об одном из коллективов, удостоенных этой высокой награды.

РЕПЛИКА КРИТИКА:

— Все в жизни можно снизить, обратить в фарс. Далеко за примером ходить не стоит: в двух шагах от вашего уважаемого института находится магазин, название которого «Прометей». Вопрос в том, стоит ли это делать.

...Режиссер снял пиджак, повесил его на спинку стула. Потом снова надел. Снова снял... Волнение худрука — отца «Арлекина» Игоря Тернавского можно было понять: на суд зрителя — да какого зрителя! Придирчивого, взыскательного — была вынесена самая последняя работа, представляющая театр-студию несколько в новом качестве. Спектакль по поэме известного поэта, лауреата премии Ленинского комсомола Литвы Юстинаса Марцинкявичуса «Поэма Прометея».

«Осуждение Прометея». Так назвал театр свою инсценировку. И жанр выбрал — трагический фарс.

Вспоминается ранняя весна, середина 70-х. Организуется поезд «Здоровье», в основном для студентов. Выезд на природу, лыжи, аттракционы. С отдыхающими едет самостоятельный коллектив «Арлекин». Электричка останавливается, и все оказывается на открытой, почти голой местности. Обещанные аттракционы почему-то «проваливаются», так же как безымянные студенты — в снегу. Начинающий репортер молодежной газеты потерянно бродит среди озлобляющей публики. И гадает, что же он напишет. Замечает, что возле электрички отчаянно сражается за настроение тот самый «Арлекин». Что-то скоморошье, русское, призывно удалое доносится до толпы. Молодцы, думает репортер. Но почему назвали «Арлекин», уж лучше бы — «Петрушка», что ли, больше бы отвечала существу дела.

Заметку он назвал «Поездом — за панацеей» и подписался «П. Дацкий». [Если они — «арлекины», то чем я — не принц.] Для самостоятельных артистов это был тоже в своем роде дебют. После чего было немало спектаклей — добрая дюжина и еще больше подобных выездов в массы. Но каждый раз репортеру вспоминалось то оздоровительное знакомство: резкий, обжигающий ветер, яркое мартовское солнце, горящие щеки — и отчаянное веселье «арлекинов»...

РЕПЛИКА КРИТИКА:

— У вас не получилось ни трагедии, ни фарса, потому что нет характера, его развития. Непонятно, что за время действия, куда нас окунули?

МНЕНИЕ ЗРИТЕЛЯ:

— Дважды смотрел этот спектакль — чувство потрясения, проникновения в мир героев не

ушло и во второй раз. Я бы советовал давать этот спектакль студентам вместо лекции по курсу античной истории. (Да простится некоторая утилитарность подхода к искусству, ибо интервьюируемый оказался преподавателем кафедры научного коммунизма.)

Варианты недоумения, клубящиеся вокруг одного: а почему фарс, а что такое фарс, и наконец, а где фарс-то?!

На это можно ответить просто: в самом деле, не трагедию же играть «Арлекину»! Без учета сложившегося творческого почерка, смехового стиля? У Марцинкявичуса — драматическая поэма, но ирония, гротеск, но Зевс — работяга, похотливый самец, но Прометей — пастух. Заземленность образов, а главное — приближенность нравственной коллизии к современному духовному проблематизму — это-то и подсказало режиссерский замысел, решение спектакля как фарса, но трагического.

Вспоминается снова поезд, и снова весна, но уже 82-го года. «Арлекин» едет в Свердловск на традиционный фестиваль «Весна УПИ». Собираются показать «Осуждение Прометея». Расположившись в купе, еще не совсем отключившись от зачетов и экзаменов, но в мыслях уже там — на сцене. Обсуждают, кому что помогает войти в образ. Кому труднее всех! Евгению Глядинскому — Прометею! Такие выигрышные монологи, правда, говорят, многовато их, чересчур декларативно получается. Но разве легче другим! Например, Валерию Погорелому — Пастуху! Ему надо предать друга, мечту, в его уходе в горы есть элемент анархического бунта. Валере советуют понаблюдать в окружающей жизни — но что делать, если не случалось вот ему еще, к счастью, встречаться с вероломством, изменой. К счастью, в смысле общечеловеческом, но, увы, не актерском. Хорошо Катеву, Мильграму или тому же Глядинскому — ветераны театра: последний умеет перевоплощаться даже в сову [как показала миниатюра-пародия на телепередачу «Что? Где? Когда?»].

В Свердловске выступили удачно. Вернулись в звании лауреата. Такого же звания удостоились за год до этого на фестивалях в Ижевске и Донецке.

РЕПЛИКА КРИТИКА:

— Спектакль, к сожалению, меня не затронул. Играется он слишком «забытово», без второго плана. Отчасти это от недостатка литературного материала. Все-таки меня больше привлекает «Прометей» Эсхила.

МНЕНИЕ ЗРИТЕЛЯ:

— Для меня главное в спектакле то, что Про-

метей одинок, его все оставляют, его предают. И это так остро ощущалось, что хотелось броситься ему на помощь.

Студент ППИ.

Коллективных походов в профессиональный театр они не устраивают. Ходят, как обычные смертные. Другое дело, что смотрят не как обычные студенты.

Вот куда ходят вместе — так это в цирк. Если не может их худрук прийти на репетицию, то звонит в институт и ребята идут в цирк, смотрят программу, репетируют. И. Тернавский, как известно, главный режиссер Пермского цирка.

...«О жалкие бездельники!» — воздевает он руки. Что ввергло его в такой гнев? «Ах, это слова Зевса, отсюда, пожалуйста». Репетиция — упражнения до седьмого пота, отработка пластики, артикуляции, эти бесконечные «купи кипу пик» — и споры, обоснование психологии каждого поступка героя.

С режиссером можно согласиться: дело не в звании. Суть в одном. Есть театр живой и есть театр мертвый. Другого нет.

Он говорит об этом, когда спектакль «Осуждение Прометея» был еще тем ящом, которое в финале Прометей бережно несет в руках. Он только родился, спектакль, он начинал жизнь, и многое еще в нем должно было «прокнуться», меняться и сам, и финал, превращаясь то в точку, то в многоточие, то в восклицательный знак.

— Не до Эсхила — до Марцинкявичуса нам бы дотянуться! — считает Игорь Тернавский. — О чем спектакль, в какое время мы окунаем зрителя? Это примитивный разговор. О чем? О жизни и антижизни, о современности, о нас с вами.

Когда он ездил к поэту в Литву, то задал ему такой вопрос: как сам автор относится к переводу поэмы на русский язык, сделанному А. Межировым. Все хорошо, ответил поэт, только Прометей получился, по выражению Марцинкявичуса, «многоболтливым». Этим, в частности, объясняются сокращения, сделанные инсценировщиками пермского театра.

Народного поэта Литвы ставит народный студенческий театр. Можно сказать, это счастливая встреча, во всяком случае, для одной из сторон — бесспорно. Творчество Юстинаса Марцинкявичуса, сила его таланта покорила режиссера, самостоятельных актеров, увлекли общим поиском.

Новый сезон «Арлекин» начнет с весенней своей премьеры, с «Прометея». Как во всяком самостоятельном коллективе, в театре-студии состоялся новый набор. Да, время идет, люди растут. Уезжают. И не толь-

ко по распределению. Уже немало есть бывших «арлекинов» — ныне профессиональных актеров, студентов театральных вузов. Но это, конечно, не самое главное.

Главное, что студия помогает молодым людям, «технарям» расти как личности, развиваться гармонично.

А что вы хотите, как-никак в этом году они отметили уже 10-летие со дня первого организационного сбора. В следующем году исполнится столько же лет со дня первого спектакля. Помните? 27 декабря 1973 года, «12 стульев». Миниатюра... Стихия СТЭМа. Сегодня, можно сказать, театру мало этого жанра, он дорос до трагедии и... не уместается в свое название.

Кто он, будущий «Арлекин»? Надо смотреть. Ясно, что находчивый остроумец, этого не отнимешь. Коллектив, помогающий студенту в выработке нравственных ориентиров. И по-прежнему неприхотливый и мобильный организм (только в этом году коллектив совершил поездки по ударным стройкам области, затем в составе агитпоезда обкома партии по Каме — давали иной раз по 5—6 концертов в день, в любых условиях. Какая география: Атомшан, БАМ, Арктика, в ближайшем будущем — Дальний Восток...).

И, конечно, это будет непременно новый, обязательно неожиданный «Арлекин». В общем — надо смотреть.

Вот почему так интересен сам процесс набора. Ведут его всем коллективом, не только художественный руководитель. Пришло более 60 человек. Взять нужно 10—12, не больше... Вот «соискатель», первокурсник, вроде бы данные не счень. Но он приходит первый раз, второй. На третий Игорь Несонович без всяких прощаний машет рукой: берем.

И вот почему интересны репетиции и замыслы этого живого театра. Назревает спектакль по произведениям Я. Гашека и...

«...Вперед? Прощу прощения, прошу прощения: назад! Я лечу-у! Это наиболее распрощанный среди людей способ полета. Как хорошо жистом ощущать землю...»

Икар произносит эти слова, лежа на земле и извиваясь...

Да, ближайший замысел — постановка новой пьесы «Икар» Ю. Марцинкявичуса, которую он прислал «Арлекину». Своеобразие продолжение «Прометея» — на этот раз об Икаре, которому мешают исполнить мечту, и о Дедале, который полетел ради идеи. И о нас с вами.

Поэт называет эту свою вещь мифологическим фарсом...

В. ГЛАДЫШЕВ.

Фото Г. ТИУНСВОЙ.